Руслан Хестанов

Генезис культурной политики и возникновение массовой культуры в СССР (1917–1953)

В статье проводится генетический анализ представлений партийных кадров СССР о культуре, ставших основанием создания беспрецедентной государственной монополии на культурное производство. В своей работе автор опирается на стенографические отчеты и материалы съездов партии (от РСДРП до КПСС). Партийные документы позволяют понять, согласно каким принципам проводилось отличие между *руководством* культурой со стороны партии и *управлением* культурой со стороны государства.[1]

Ключевые слова: культурная политика СССР, governmentality, идеология, культура.

В марте 2013 г. исполнилось 60 лет учреждения Министерства культуры СССР. Фактически, оно стало первым в мире национальным министерством, управляющим культурой. Некоторые западноевропейские правительства проявили интерес к этой институциональной инновации, хотя она, по сути, означала усиление государственного вмешательства и легитимировала государственную монополию на культурное производство. В послевоенный период на советскую модель государственного строительства смотрели так же, как сегодня смотрят на китайскую модель ускоренного экономического роста, как на конкурентоспособную альтернативу, а иногда даже как на образец достойный подражания.

Хестанов Руслан Заурбекович — философ (Ростовский государственный университет имени М. Суслова, 1986), Phd (Фрибургский университет, Швейцария, 2001), профессор, заведующий кафедрой прикладной культурологии, директор Московского института социально-культурных программ при Департаменте культуры г. Москвы. Научные интересы: культурные политики, политическая теория и история, французская философия.
Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ — проект 2013 г. Лаборатории исследований культуры Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Государственная политика и идеология в области культуры».

Некоторое время спустя примеру СССР последовали не только страны третьего мира, но и так называемые капиталистические страны. Первое министерство культуры в западном мире было учреждено во Франции в 1959 г. Михаил Гершензон приводит архивное свидетельство пристального внимания к деятельности нового советского министерства со стороны правительства генерала Шарля де Голля, учредившего собственное Ministère des Affaires culturelles. На закрытом совещании в Министерстве культуры СССР один из чиновников докладывал: «...[Т]акая страна древней культуры, как Франция, просила у Министерства культуры СССР дать им структуру нашего министерства, чтобы перестроить у себя управление культурой, управление искусством по нашему, советскому образцу». Гершензон комментирует: «Отметим, что это высказывание было сделано на закрытом заседании Министерства, то есть не было саморекламой» [Гершензон, 2010, с. 274].

Вскоре вслед за Францией министерства культуры учреждает большинство европейских государств: Дания — в 1961-м, Италия — в 1974-м, Испания — в 1977-м и т. п. Андре Мальро, первый министр культуры Франции, так объяснял насущную необходимость нового государственного организма: «Государства, одно за другим, создают министерства культуры потому, что цивилизация окажется под угрозой безудержного распространения собственного воображения, если оно не будет направляться ценностями» [Djian, 2005, p. 19].

Сегодня, когда культуртрегерская роль государства ассоциируется с бюрократической рутиной, трудно оценить во всей полноте изумительность институциональных инноваций полувековой давности. В эпоху Просвещения культура была одним из тех спорных концептов, по поводу которого консенсус был практически недостижим. Культура понималась и как идеальный мир платоновских ценностей, и как образы жизни, и как синоним цивилизованности, и как производство символических значений [Gray, 2010, p. 219]. Культуру всегда было сложно определить как особую сферу человеческой реальности. Она была, скорее, рубрикой, обозначающей набор характерных для Просвещения тем и проблем: цивилизации и варварства, своих и чужих, идентичности и меньшинств, прогресса и образования, разума и науки, искусства и творчества и проч.

Несмотря на столь диффузный характер представлений о культуре, вдруг, в 1953 г., КПСС превращает такое безграничное и едва ли определенное поле в объект прямого государственного администрирования. Затем эта инновация подхватывается другими государствами. Создаются департаменты, ведомства и министерства, прямой обязанностью которых становится управление культурой. Атмосферическая и едва уловимая природа нового объекта правительственной заботы не мешает бюрократическим машинам

осваивать новое поле деятельности. Государственные аппараты приступают к разработке нормативов и параметров производительности управленческой вертикали, квалификационных требований к специалистам и кадрам, критериев оценки текущего состояния культуры.

Распространение советского опыта огосударствления культуры говорит о том, что он был воспринят как удачный и убедительный. Но главное, он был признан как опыт, имеющий глобальную значимость[1].

Значимость и уникальность события учреждения Министерства культуры СССР до сих пор не попадало в сферу интересов отечественных исследований. Тем более оно не рассматривалось как результат последовательной культурной политики партии по организации государственной монополии на культуру. Одна из самых интересных работ по данной теме — пространная статья Михаила Гершензона [Гершензон, 2010]. Но она сконцентрирована на исследовании архивных материалов, связанных с деятельностью конкретных подразделений министерства и никоим образом не претендуют на анализ советской культурной политики как таковой. За пределами исследования Гершензона остается та самая прелюдия, которая готовила и сделала возможным беспрецедентное вмешательство суверенной власти в область культуры. Его статья, богатая интересными деталями и открытиями, хронологически ограничена периодом 1953–1963 гг.

Наиболее интересные и влиятельные подходы западных исследователей советской культурной политики концептуально оформились в период холодной войны. Крайне скудная информация, которая попадала на Запад, а также атмосфера идеологического противостояния ограничивали исследовательские возможности. Один из наиболее проницательных исследователей СССР Шейла Фитцпатрик признает, что изобрела концепт «культурной революции» во время работы над диссертацией в Москве в 1966–1967 гг.: «Это был

1 О глобальной значимости советского опыта, естественно, следует говорить с оговорками. Однако та перспектива на государство, которую мы находим у Пьера Бурдье, позволяет взглянуть на создание государственной монополии на культуру в СССР как одну из версий европейского национального строительства: «Государство является кульминацией процесса концентрации разных видов капитала: капитала физической силы или инструментов принуждения (армия, полиция), экономического капитала, культурного или (скорее) информационного капитала и капитала символического. Именно такая концентрация конституирует государство как держателя особого рода мета-капитала, обеспечивающего власть над другими разновидностями капитала и их держателями» [Bourdieu et al., 1994, p. 4].

год, когда китайская культурная революция достигла своего пика. Я наблюдала за ней посредством советской прессы, поскольку газеты, за исключением советских, были для меня едва ли доступны» [Fitzpatrick, 1999, p. 203].

Фитцпатрик постигала советскую культурно-политическую историю довольно причудливым образом: будучи в научной командировке в Москве, она вынуждена была создать эвристический инструмент в виде «китайской метафоры», чтобы разобраться в политике молодого советского государства. Однако у такого кружного пути к советской реальности были свои издержки. Во-первых, по аналогии с китайской «культурная революция» в СССР была определена ею как эпизод, как важный, но относительно краткий период транзита к социалистическому обществу, совпавший с первой пятилеткой 1928–1931 [Fitzpatrick, 1974, p. 34]. Во-вторых, как и в Китае, этот эпизод был связан в большей мере с политикой, чем с культурой. Иначе говоря, «культурная революция» трактовалась, прежде всего, как классовая война [Fitzpatrick, 1974, p. 41][1], как этап во внутренней политике. Поэтому довольно специфическое понимание большевиками культуры и ее места в строительстве социалистического государства оказалось вне фокуса внимания Фитцпатрик. В-третьих, акцент на эпизодичности «культурной революции» не позволил разглядеть последовательность и преемственность советской культурной политики. Но, самое главное, как справедливо замечает Майкл Дэвид-Фокс, подход Фитцпатрик делает невозможным понимание советской культурно-идеологической системы как уникальной целостности: «Некоторые историографические традиции поднимают периодизацию до уровня высокого искусства. Однако я сомневаюсь, чтобы внимание к специфике радикализма первого пятилетнего плана (а также так называемое Великое отступление от этого радикализма в конце 1930-х годов) мог бы стать источником непостоянства в столь избитых вопросах, как преемственность или изменение, природа сталинизма, „окончание“ революции» [David-Fox, 1999b, p. 211]. Наконец, разработанный Фитцпатрик концепт «культурной революции» способствовал представлению об СССР как о стране с экзотической политикой и культурой, требующих столь же экзотических подходов и перспектив.

Главная цель предлагаемой статьи — представить генетический анализ представлений партийных кадров о культуре, ставших ос-

1 «Фитцпатрик употребляет термин „культурная революция“ как экспрессивный ярлык для специфического эпизода в советской истории, тогда как сама фраза нагружена значением классовой войны» [David-Fox, 1999a, p. 183].

нованием создания государственной монополии на культурное производство. Мы не будем стремиться к тому, чтобы вписать эти представления в горизонт идеальности, в историю идеи культуры, но постараемся показать, каким образом рационализация определенных правительственных практик порождала новую действительность — действительность культуры и тем самым учреждала новый объект партийно-государственного управления.

В центре нашего анализа будут не теории культуры, не доктринальное разнообразие марксистско-ленинских подходов, но способы проблематизации культуры внутри той сферы, которую М. Фуко обозначил как *governmentality*. Анализироваться будет группа специфических текстов, в которых правительственная рациональность и проблематизация культурной политики была дана непосредственным образом. Речь идет о стенографических отчетах и материалах съездов партии (от РСДРП до КПСС).

Партийные съезды — уникальный советский институт, штаб коллективного обсуждения и принятия управленческих решений. Партия, конечно, была организацией с жесткой внутренней иерархией, но коллективный механизм принятия решений был чрезвычайно важен. На съездах встречались партийные делегаты из разных регионов страны и столичных центров, представлявшие разные уровни партийного руководства. Дискуссии на съездах партии выполняли разные функции. Во-первых, они были одной из форм подчинения партийных кадров иерархическому режиму власти. Во-вторых, формой внутрипартийного плебисцита по стратегическим вопросам. В-третьих, механизмом коммуникации с партийными кадрами: от того, как делегаты съездов понимали новую линию партии, зависела скорость, с которой бюрократическая машина успевала ее освоить, успех ее единовременного продвижения на местах. Иначе говоря, линия партии требовала не только безоговорочного одобрения, но также понятного инструктажа и формирования эмоциональной и рациональной мотивации к действию. Поэтому в равной степени важно анализировать не только речи вождей, но и выступления рядовых делегатов и активистов. Документы партийных съездов — это богатое и организованное по определенным правилам поле, в котором формулировались высказывания о культуре.

Партийные съезды собирались регулярно, а потому мы можем наблюдать эволюцию представлений партийных кадров о культуре во временной динамике. С одной стороны, мы видим, каким образом из неоднозначных и расплывчатых представлений о культуре от съезда к съезду возникала видимость и плотность объекта, подлежащего руководству и администрированию. С другой стороны, мы оказываемся в эпицентре дебатов по поводу строительства ин-

ститутов и учреждений, распределения между ними ответственности и полномочий. Иными словами, мы получаем доступ не только к оценкам и критике учреждений культуры, но и к процессу их проектирования. Партийные документы позволяют также понять, согласно каким принципам проводилось отличие между *руководством* культурой со стороны партии и *управлением* культурой со стороны государства.

Хотя Министерство культуры СССР было организовано сразу после смерти Иосифа Сталина, проведенный нами генетический анализ показал, что институциональная инновация 1953 г. не была знаком символического разрыва с предшествующей политической эпохой — сталинизмом. Напротив, государственное администрирование культурой логически продолжило ту культурную политику, которая складывалась в ленинский период. Вместе с тем анализ стенограмм съездов позволил нам выделить дискурсивные разрывы и смещения, которые позволяет по-новому взглянуть на периодизацию советской культурной политики.

Оппозиция: культура/право

Как большинство интеллектуалов XIX в. Карл Маркс нередко употреблял слово «культура», но оно не обрело статуса теоретически разработанного концепта внутри его доктрины [Межуев, 2012, с. 146]. Для большинства европейских социал-демократов рубежа XIX–XX веков культура и искусство представляли собой второстепенные темы. Разумеется, были исключения, к которым можно отнести группу русских марксистов «Вперед»[1]. Большую роль в популяризации культурной проблематики среди социал-демократов России сыграла также идиосинкразическая привязанность к ней В. Ленина, над которой не раз подтрунивал Л. Троцкий.

Вместе с тем обращает на себя внимание факт не столько редкого, сколько спорадического и нерегулярного употребления слова «культура» на партийных съездах до 1918 г. Оно не имело строго отведенного, необходимого места в теоретическом тезаурусе большевиков. Если термин и употреблялся, то как синоним пропаганды, агитации, просвещения, которые часто звучали как взаимозаменяемые[2]. Понятие все еще не укоренилось в сленге партийной массы. Отдель-

1 В 1909 г. они включили в свою программу положение о «пролетарской культуре» [David-Fox, 1999a, 187–189].

2 Разумеется, в академических кругах столь однозначная синонимия казалась неприемлемой. Но она не была редкостью в среде интеллектуалов, близких РСДРП. Например, у видного деятеля партии и основателя общей теории организаций Александра Богданова, который называет культуру

ные делегаты испытывали к нему даже недоверие, распознавая его как знак чуждого партийного сленга. Так Мартын Лацис, упоминая партийный «Культурный центр», организованный в Риге большевиками, заметил, что «название отдает меньшевизмом» [VI Съезд РСДРП (б), 1958, с. 176].

На первом после Октябрьской революции VII съезде РКП (б) в 1918 г. никто кроме Ленина слово «культура» не употреблял. Обсуждая программу партии, Ленин упоминает «громадное разрушение культуры и производительных средств» для Европы в контексте Первой мировой войны. Несмотря на эти разрушения, подъем «авангарда трудящихся масс» неизбежен, «ибо, каковы бы ни были разрушения культуры, ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно» [VII экстренный съезд РКП (б), 1962, 140]. «Неустранимость культуры» была понята Лениным как гарантия успеха социалистической революции. Вряд ли эта идея была вполне прозрачна для делегатов съезда.

Однако разительная перемена происходит в ходе VIII съезда партии в 1919 г., когда Ленин высказывается не только с большей определенностью, но формулирует несколько тезисов, которые надолго определят представления партии о культуре. В отчетном докладе ЦК Ленин настаивает на необходимости привлечения к процессу управления «буржуазных специалистов-организаторов»: «Без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить»; специалисты — это «техническая и культурная сила». [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 20].

Следующий доклад Ленина на том же съезде посвящен новой программе партии. Вопрос о культуре ставится в контексте внутренней политики. Оценивая польских и немецких рабочих, Ленин называет их «более культурными» по сравнению с русскими [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 59]. В заданном контексте культура — это показатель способности рабочих к самоорганизации и управлению, которая может проявляться как на производстве, так и в государственном управлении. «Более высокий» уровень культуры польских и немецких рабочих Ленин объясняет их близостью с инженерным и техническим персоналом или «пролетаризацией технического персонала». Как мы увидим далее, связь проблематики культуры и управления для Ленина является основополагающей.

Что значит «более высокий уровень культуры», мы понимаем чуть далее, когда Ленин вводит оппозицию между *бюрократизмом*

не иначе как «идеологическим комплексом» или просто «идеологией» [Богданов, 2003, с. 200].

и *культурой*, как радикально отличных мотивациях к труду. Труд русских рабочих мотивирован исключительно бюрократически. В заданном контексте это означает принудительно. Однако мотивация буржуазных специалистов совсем иная — «культурная». Специалистов можно «заставить не участвовать в контрреволюции», «устрашить», но заставить этот слой работать таким образом нельзя: «Заставить работать из под палки целый слой нельзя... Эти люди привыкли к культурной работе». Ленин настаивает на необходимости сближения русских инженеров и рабочих постольку, поскольку считает нужным *культурно*, а не *бюрократически* мотивировать тех и других к труду. Бюрократизм, т. е. специфическая мотивация к труду, проявляет себя как главное выражение культурной неразвитости России. Именно «эта некультурность понижает Советскую власть и воссоздает бюрократию» [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 58].

Культурно мотивированные специалисты почувствуют симпатию к советскому строю тогда, когда они увидят, как партия «ценит культуру» и помогает проводить ее в массах. Культурная работа партии в том и заключается, чтобы интересы рабочих расширились, распространились на те области, которые до сих пор были объектом профессиональной заботы специалистов: на здравоохранение, технологический прогресс в промышленности и сельском хозяйстве и проч. Рост культуры трактуется как глобализация интересов рабочих и трудящихся и преодоление отчуждения. Когда интересы трудящихся расширятся, они совпадут с интересами специалистов. Вот тогда и осуществится нужная «спайка». Захват власти в стране рабочими привел к тому, что интересы их вышли за пределы предприятия и условий оплаты труда и получили возможность обрести столь же глобальный характер, что и у культурного слоя специалистов. Именно в этот момент, говорит Ленин, специалистов можно «победить морально», «вовлечь в наш аппарат и сделать его частью». Ведь специалисты — это «культурные деятели» [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 59, 60].

Кульминации ленинское рассуждение достигает в тезисе, который войдет в программные резолюции съезда, а потом не раз будет повторяться партийным руководством и рядовыми делегатами на последующих съездах. Стратегическую цель партии Ленин обозначает не только как полную победу над бюрократизмом, но как уничтожение государственной власти как таковой. Он выделяет два условия, обеспечивающих успех этой стратегии: 1) «вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством» и 2) «повышение культурного уровня» [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 397].

Важный нюанс состоит в том, что в ленинском рассуждении чуть позже появляется важная оппозиция между *законом* и *правом*,

с одной стороны, и *культурой* — с другой. Ленин объясняет природу советского бюрократизма «недостатком культурных сил». Бюрократия нового советского государства похожа на бюрократию современных буржуазных республик: она также препятствует «поголовному вовлечению населения» в управление. Но в буржуазных странах бюрократизм насаждается законом, а «мы, — говорит Ленин, — сделали, чтобы этих помех у нас не осталось». У нас есть другое препятствие — «культурный уровень не поднят»: «кроме закона есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь» [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 62]. Потому советская власть была вынуждена закрепить законодательно классовое неравенство в своей первой конституции 1918 г. Пока «мы спотыкаемся о недостаточную культурность масс» [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 63]. И «это неравенство мы отменим, как только нам удастся поднять культурный уровень» [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 64].

Ленин не просто подчиняет право культуре, но следует в целом антиправовому пафосу «Манифеста коммунистической партии», когда утверждает, что поголовному вовлечению масс в управление препятствует буржуазный закон. «Манифест» толковал право как «возведенную в закон волю правящего класса»[1]. В ленинском проекте культура — это преодоление права и закона; и захват власти пролетариатом, устраняет право как препятствие и открывает путь развитию культуры. Правда, поскольку в послереволюционной России сохраняется «низкий уровень культуры», нужда в праве и в управлении все еще существует. Потому управление осуществляется Советами, которые являются аппаратом или делегированным органом («органом управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но [все еще] не через трудящиеся массы»).

Стандарты суждения и новые эвристические возможности термина «культура» на VIII съезде задавал Ленин. Он объяснял «разницей в культурном развитии» тот факт, что народы «идут зигзагами», каждый своим особенным путем. Скажем, «башкиры имеют недоверие к великороссам, потому что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкир грабить» [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 106]. «Финляндия, которая отличается от остальных народов, населявших прежнюю Российскую Империю, большей культурностью» [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 101]. Через некоторое время эта мысль поможет обосновать особые режимы управления не-

1 «Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [Маркс К. Энгельс Ф.,1957, с. 443].

русскими регионами России, ранжируя разные национальности в зависимости от достигнутого «уровня культуры».

Пространное рассуждение Ленина о культуре послужило для делегатов VIII съезда толчком к творчеству. И они, каждый на свой манер, осваивали новые концептуальные возможности, пытаясь приспособить культуру к разным политическим контекстам. Понятие «культура» заиграло смыслами. Выражение «низкий уровень культуры» превратилось в универсальное объяснение проблем и трудностей. Как у Михаила Томского (Ефремова), когда он объяснял провалы в области охраны труда «некультурностью» и «безграмотностью русского рабочего», не желающего беречь свое здоровье [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 84].

Новые смысловые горизонты, открытые в термине «культура», придавали все большую определенность едва различимому предмету культурной работы. В докладе о земельной политике делегат Кураев описывает совхозы как «центры не только агрикультурные, но и культурные», как место, где крестьянин мог бы удовлетворять свои «культурные потребности» и получить «агрикультурную помощь» [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 233]. Характерное сближение культуры и агрикультуры, когда речь заходит о политике в деревне, часто воспроизводилось и сохранялось довольно долго. В 1927 г. на XV съезде делегат Бабашкова, крестьянка из Полтавского округа, говорит: «Только нам, товарищи, нужно просвещение, потому мы еще очень темны, не взялись еще серьезно за культурную работу. Еще не знают, как вести у нас эту работу. У нас, например, появилось культурное свиноводство...» [XV съезд ВКП (б), 1928, с. 267). Сближение двух омонимов подчеркивает, насколько материально понималась культура теми, кто слушал на VIII съезде Ленина, — как материальность техники, сортов племенного скота или зерновых.

Рассуждение Ленина имело далеко идущие последствия. Первое — те функции общего руководства и управления, которые в буржуазном обществе выполняло право, в новом проектируемом большевиками обществе должна была перехватывать культура. Второе — «культурная» точка зрения открывала возможность формулировать стратегию и тактику правящей партии. Ее стратегическая линия заключалась в постепенном уничтожении государства и бюрократии, в вытеснении управления «развитой культурой». Отсюда «временные ограничения» и тактические задачи: партия не может позволить себе упразднить ни право, ни государство до тех пор, пока общество не достигнет культурного равенства, а потому следует «систематически работать над уничтожением неравенства более организованного пролетариата с крестьянством» [VIII съезд РКП (б), 1959, с. 64].

Эта ленинская мысль вошла в Программу партии, принятую VIII съездом, а потом была закреплена в резолюции XV съезда (1927 г.): «...упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти» [XV съезд ВКП (б), 1928, с. 560, 561]. Но она также на разные лады воспроизводится в разных репликах. Например, Молотовым, который говорит, что «культура и умение управлять ... теснейшим образом связаны друг с другом» [XV съезд ВКП (б), 1928, с. 1082]. В полной мере значимость, которую партия придавала культурной политике, проявила себя в докладе Рыкова, посвященном первой советской пятилетке: «начиная уже с ближайшего года на культуру мы должны давать относительно больше, чем даже на восстановление хозяйства... Без быстрого культурного роста мы не сможем по-настоящему переконструировать наше хозяйство» [XV съезд ВКП (б), 1928, с. 778, 779].

Считается, что термин культура был канонизирован как важнейший элемент строительства социализма, благодаря работе В. И. Ленина «О кооперации» (1923), в которой культура была накрепко связана в одном словосочетании с революцией: «Культурная революция — это ... целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы» [Ленин, 1965–1975, с. 372]. Однако целый ряд тезисов статьи звучат по-новому в контексте сказанного Лениным на VIII съезде.

Ленин пишет об изменении «точки зрения на социализм» сразу после того, как большевики захватили власть. Раньше эта точка зрения была политической, теперь же «центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную культурную работу». Он делает, правда, оговорку, что политическая перспектива сохранилась в международных отношениях. Однако, «если ... ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству» [1].

1 Полная цитата: «Захватив власть в свои руки, большевики были вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную культурную работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству» [Ленин, 1965–1975, с. 376].

Подводя предварительный итог, можно сказать следующее: во-первых, проблематика культуры теснейшим образом связана с *управлением* и *руководством*; во-вторых, идеальная проекция или фикция культуры приобретает свою оригинальную консистенцию благодаря трем оппозициям: культура — бюрократизм, культура — право, культура — государство; наконец, в-третьих, культурная точка зрения доминирует не только над правовой, но также над политической и экономической. Таким образом, именно культурная оптика должна была определять партийную стратегию и тактику строительства социализма и коммунизма.

Объекты культурной политики

Правительственная рациональность проявляет себя как схематическое упрощение действительности или как редукция сложности мира к определенному аспекту мира [Скотт, 2007, с. 149, 150]. Таким аспектом социального мира для большевиков стала культура: разнородные феномены социальных, экономических и политических отношений редуцировались к культурным отличиям, которые в перспективе усилиями партии должны были быть преодолены. Такое упрощение действительности порождало новую социальную действительность, новые объекты политического воздействия и новую картографию социальной реальности, анализ которой теперь станет нашим предметом.

Ниже мы дадим классификацию объектов культурной политики, но пока остановимся на общей схеме, лежавшей в основе курса партии, описанного Лениным как «культурничество». Само слово «культурничество» пришло из дореволюционного словаря. Оно было синонимом просветительства и обозначало волонтерскую деятельность русской интеллигенции по распространению знаний и грамотности в народе.

Большевики интерпретировали разум Просвещения как идеологию наиболее прогрессивного класса — пролетариата, а процесс демократизации разума и распространения знаний они трактовали как пропаганду идеологии прогрессивного класса. Главным агентом пропаганды призван был стать авангард рабочего класса — революционная партия. Уничтожив антагонистические классы, пролетариат и его авангард трансформируют политическую пропаганду в культурную (и духовную) работу в мелкобуржуазной среде, главным образом крестьянской.

Возникает вопрос: можно ли сказать, что партия, завоевав политическую власть в России, меняет точку зрения на общество с *классовой* на *культурную*?

Ответ мы находим в развернувшейся в 1920 г. на IX съезде дискуссии о том, стоит ли к рабочему классу применять военно-мобилизационные методы принуждения к труду. Лев Троцкий в своем известном выступлении по вопросу милитаризации труда полемически реагировал на статью В. Смирнова «Трудовая повинность и милитаризация», опубликованную в газете «Правда». Смирнов утверждал, что в промышленности, в области квалифицированного труда, нет никакой нужды использовать методы военной мобилизации, ведь там есть профессиональные и производственные организации рабочих. Совсем иначе надо строить политику по отношению к крестьянам: их следует мобилизовать и организовать в трудовые части по типу воинских, а к созданным частям прикомандировать командно-инструкторский состав, коммунистические ячейки, чтобы «эти части не были бездушны, а были бы одухотворены стремлением работать» [IX съезд РКП (б), 1934, с. 99].

Троцкий настаивал на том, что методы военной мобилизации следует сделать универсальными и применять не только к крестьянам, но и к рабочим. Рабочие «прикреплены к заводам и фабрикам», и далеко не каждый из них «испытывает это прикрепление как службу, долг, которую он выполняет по своему внутреннему убеждению». Некоторые из них, наиболее отсталые, «испытывают это сегодня как голое принуждения и противятся этому». Троцкий ссылается на статистику: 300 тыс. рабочих из 800 тыс., «как это называется в солдатской среде, дезертировали». Следовательно, рабочая масса не может быть «бродячей Русью», она должна быть «перебрасываема, назначаема, командируема точно так же, как солдаты» [IX съезд РКП (б), 1934, с. 100). В будущем, доказывал Троцкий, принуждение отомрет: «в хорошо организованном социалистическом хозяйстве элементы принуждения не будут ощущаться как таковые, ибо труд и — физический, и духовный — будет необходимостью каждого сочлена».

Троцкий не оспаривает довольно абстрактную и спекулятивную схему, согласно которой пролетариат и его партийный авангард «одухотворяют» или «окультуривают» отсталые слои и классы. Он лишь утверждает, что уровень культуры рабочих все еще низок. Но это вовсе не означает, что культурную работу Троцкий пытается отодвинуть в неопределенное будущее. Он лишь пытается обогатить арсенал инструментов культурной политики («культурной революции») военно-дисциплинарными мерами воздействия на рабочих: мы не сможем отказаться от «карательных мер ... по отношению к шкурникам, дезертирам труда», от «сложной системы духовных мероприятий, организационных, материальных, премиальных, карательных, репрессивных, которая может в результате своего согласованного систематического применения на основе общего подъема уровня культуры в стране, в течение ряда лет, десятиле-

тий поднять производительность труда, поднять на такую высоту, на какую никогда ни при каком другом строе производительность труда не повышалась» [IX съезд РКП (б), 1934, с. 107]. Карательные меры, таким образом, были для него частью «сложных духовных мероприятий».

Примечательно, что сама полемика о милитаризации труда была интерпретирована как *культурная*, как столкновение разных культур управления: «То, что происходит сейчас на съезде, есть столкновение нескольких культур, ибо наше строительство породило различные культуры. Мы создали военно-советскую культуру, гражданскую советскую культуру, и, наконец, профессиональное движение создало свою сферу культуры. Каждая из этих форм нашего движения имеет свой подход к вещам, создала свои навыки» [IX съезд РКП (б), 1934, с. 123]. Представляя «гражданскую культуру» Осинский выступил с резкой критикой представителя «военной культуры» Троцкого, против тотального распространения милитаристских форм единоначалия на общество и партию. Он призывал ограничить военно-мобилизационные методы управления. Внутри партии и в промышленности он считал необходимым исходить из принципа коллегиального управления.

Троцкий, Осинский, Ленин, который, кстати, с энтузиазмом поддержал Троцкого, и другие участники дискуссии обсуждали методы управления обществом как проблему по существу своему *культурную*. Кроме того, выбор способов управления ставился в зависимость от классовых отличий, подразумевавших отличия в «уровнях культуры», т. е. степени, в которой труд и общественная деятельность мотивируется долгом или коммунистической сознательностью. Таким образом, новая «культурная точка зрения» партии на общество не означала отказ или замену оптики классовой. Культурная перспектива новой правительственной рациональности предполагала интеграцию классовой точки зрения и классовых отличий.

Вместе с тем новая «культурная точка зрения» оказалась более сложной, чем классовая: кроме классовых отличий она предполагала интеграцию целого комплекса других социальных различий, которые были превращены в самостоятельные объекты управления и требовали особых, «адекватных» методов воздействия.

Представим список наиболее важных из них:

1. классовые (возможна формулировка «разрыв между городом и деревней»);
2. национальные (иногда сливаются с конфессиональными);
3. образовательные;
4. гендерные;
5. возрастные;
6. бытовые;
7. технологические и производственные навыки;

8. организационные (навыки самоорганизации и самоуправления);
9. чуть позже выделятся разрыв между умственным трудом и физическим «на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда» [XVIII съезд ВКП (б), 1939, с. 311].

Культурная перспектива, в которую большевики интегрировали помимо классовых различий множество других, предполагала сеть сложных и неоднородных объектов. Эта сложность имела несколько измерений. Во-первых, горизонтальное измерение, т. е. широта и разнообразие спектра перечисленных различий. Во-вторых, возможность совмещать друг с другом выделенные различия и конструировать внутри каждого конкретного различия систему более тонких различий второго порядка. Например, описывать состояние отсталости национальных регионов, рельефно подчеркивая феодальную классовую структуру, патриархальность быта, неграмотность населения или культурную осталось женщин и т. д. В-третьих, вертикальное измерение, т. е. глубина культурных различий фиксировалась с помощью оценочной разметки уровней культуры — ниже/выше. Скажем, пролетарии выступают по отношению к крестьянам как носители более высокой культуры. Женщины отличаются особой культурной дремучестью, поскольку в большей степени, чем мужчины, подвержены влиянию со стороны религии. А потому от влияния «отсталых женщин» следует изолировать молодежь. Красноармейцы более культурны, чем крестьяне и проч. Делегаты довоенных съездов часто полемизируют по поводу оценок «уровней культурного развития». Так Микоян на X съезде выдвинул довольно рискованное утверждение, что «Азербайджан более культурен, чем русские провинции»; на что Сталин возразил: мол, такое можно сказать только о Баку, о городе, «надстроенным сверху усилиями Нобеля, Вишау и других» [X съезд РКП (б), 1933, с. 215].

Как видим, карта «некультурностей» включает в себя комплекс гетерогенных социальных объектов. И только единство культурного взгляда, его рационализирующий схематизм, обеспечивает синтез разнородных объектов. В этом смысле можно сказать, что культурная политика — это способ управления разнородными некультурностями.

Культурная оптика стала, таким образом, прагматической коррекцией или «утончением» ортодоксальной классовой оптики. За этой коррекцией стоял в том числе опыт Гражданской войны, которая не имела четко выраженного фронта и проявила далеко не только классовые расколы внутри общества. В войне принимало участие множество социальных групп, готовых к широкому применению вооруженного насилия друг против друга: крестьянские

повстанческие движения, этнические и конфессиональные меньшинства. Вооруженное противостояние и временные альянсы сил формировались вопреки доктринальным ожиданиям марксистов и далеко не в полном соответствии с классовыми позициями. События вроде Кронштадтского вооруженного восстания (февраль 1921 г.), когда против большевиков выступили рабочие и матросы, требовали более изощренной политической оптики, чем сугубо классовая.

Провозглашенный большевиками курс на культурную революцию был попыткой нащупать единую политическую линию, учитывающую социальную сложность. Однако чтобы конвертировать новую оптику или «культурную точку зрения» в политику, нужно было создать соответствующую сеть аппаратов и органов власти, которые не только управляли бы культурой как пестрой данностью, но и производили новую культурную действительность — однородную и высокую культурную жизнь, «растворяли различия», как выразился Лев Троцкий.

Аппараты культуры

Новая картография и разнородность социальных объектов порождали фундаментальную проблему перевода практик дискурсивных во внедискурсивные. Иначе говоря, возникал вполне практический вопрос: в какие конкретные учреждения можно трансформировать культурную точку зрения партии на общество, чтобы эта точка зрения не утратила единства перспективы и не растворилась в разнородности объектов. Практическое осуществление культурного проекта, т. е. организация партийных и советских учреждений, сталкивалось с фундаментальной трудностью, характерной для любой рационализации правительственной деятельности: с одной стороны, необходимостью централизации всех функций руководства, поскольку того требовала унифицирующая культурная оптика, культурная точка зрения; с другой стороны, необходимостью учета культурных отличий и специфики социальных объектов в специализации разных органов управления.

В Советском Союзе было найдено причудливое решение этой старой апории правительственного разума. И это решение стало своего рода «родимым пятном» или особым советским способом управления. Дилемма *централизации управления и учета специфики объектов управления* решалась с помощью разграничения руководящих функций партии и управленческих функций государственного (советского) аппарата. На практике это выразилось в стремлении сохранить параллелизм партийных и государственных аппаратов, но также в бесконечных попытках пересмотра баланса компетенций и ответственности между ними.

На всех этапах строительства культурных учреждений в СССР мы наблюдаем непрерывный поиск институционального оптимума. В докладе Преображенского на X съезде (1921 г.) мы находим принцип разграничения функций органов партии и государства. Столь ясной формулировки не было ни на одном последующем съезде партии, хотя эта проблема на протяжении всей истории СССР сознавалась как одна из ключевых. Особую важность представляет тот факт, что проблема разграничения государственных и партийных функций была сформулирована при обсуждении именно культурной политики партии. Речь шла об организации Главполитпросвета — основного государственного органа, управляющего культурой [X съезд РКП (б), 1933, 143–153].

Вот как, согласно Преображенскому, советская партийно-государственная машина двигалась к пониманию необходимости формулировки этого краеугольного принципа. Необходимость государственной пропаганды коммунизма среди населения, начинает он, возникла сразу после Октябрьской революции. Но всю пропагандистскую работу партия была вынуждена вести без специального органа пропаганды — это было делом всех членов партии и каждого из них в отдельности. Этот период строительства «первых советских ячеек», когда пропагандистская работа совпадала со строительством советского аппарата, он называет «кустарническим». На следующем этапе, говорит докладчик, «мы видим, как постепенно отпочковывается ... аппарат по пропаганде коммунизма». Однако складывается он одновременно внутри целого ряда отдельных государственных комиссариатов. Сначала разветвленный аппарат пропаганды в деревне был создан Комиссариатом внутренних дел. Затем в рамках Военного комиссариата в 1919 г. был создан аналогичный орган пропаганды — сеть ПУРов (ПУР — политическое управление в армии, распущенное только в 1991 г.), а затем наблюдалось появление похожих аппаратов во всех остальных комиссариатах, но также в профсоюзных и молодежных организациях. В Комиссариате народного просвещения (Наркомпросе) также появился особенный орган — Внешкольный отдел, преобразованный в 1920 г. в Главполитпросвет.

Теперь, говорит Преображенский, этот «организационный разброд» необходимо было прекратить. Нужно сконцентрировать работу внутри единого аппарата, чтобы «вести эту пропаганду централизованно и систематически по принципу массового производства». Кстати, первая же попытка концентрации пропаганды в руках одного органа приводит к созданию пресловутого партийно-государственного параллелизма. Сначала в августе 1920 г. при ЦК партии организуется Отдел пропаганды и агитации с двумя соответствующими подразделениями: подотделом пропаганды, отве-

чавшим за школы (разработка школьных программ), и подотделом агитации, организующим агитационные кампании для взрослого населения (недели, месячники и проч.). Несколько месяцев спустя, в ноябре 1920 г., организуется уже государственная структура — Главполитпросвет, двойник партийного Отдела пропаганды и агитации.

Задача Главполитпросвета — разгрузить партию от той части агитационно-пропагандистской работы, которая могла быть, как выражается Преображенский, «огосударствлена» или «механизирована». Но вот здесь-то дилемма, которую мы упомянули выше, сплетается в гордиев узел. Делегаты были согласны, что централизация агитпропа нужна, но они настаивали на сохранении диверсификации, учитывающей специфику социальных групп и классов, с которыми велась пропагандистская работа (молодежь, крестьяне, рабочие, солдаты, школьники, женщины, студенты). Больше всех на автономии ведомственных органов пропаганды настаивали военные, профсоюзы и молодежные организации.

Вместе с тем учет специфики и ведомственная диверсификация угрожали распылением кадровых и материальных сил партийных и государственных организаций. [X съезд РКП (б), 1933, с. 174]. Луначарский настаивал на проведении другого водораздела между организациями. Внутри государственных комиссариатов — между Наркомпросом и Главполитпросветом — нужно распределить ответственность в зависимости от возраста населения, подвергавшегося воздействию пропаганды и просвещения. Выходило так, что системная и регулярная работа по просвещению и пропаганде направлена на тех, кто может стать человеком новой формации, т. е. на детей. И эту функцию должен выполнять Наркомпрос, организующий школьную работа. Именно Наркомпрос производит «самый важный ингредиент» — нового человека, и такая задача превращает его «в коренной экономический комиссариат». С другой стороны, нет особой нужды в столь же систематической работе с взрослым населением. Оно навсегда останется носителем следов отсталости прежней формации, но есть нужда в периодических и разовых агитационных кампаниях, воздействующих на «взрослое население». За работу с этим контингентом должен отвечать Главполитпросвет.

Однако подход Луначарского был чреват затруднениями, нарушавшими строгость централизованного вертикального дизайна государственного управления. Сам Луначарский выделил студенчество в группу, требующую особого попечительства: «студент — это не прежний, это не маменькин сыночек, это по существу очень тертый калач, ... это демократ, ... это огромная сила ближайшего будущего», но в то же время студент «легко поддается учредиловщине» [X съезд РКП (б), 1933, с. 158]. Существование таких неоднозначных и массовых

объектов управления неизбежно ведет к институциональным компромиссам со студентами, считал Луначарский, Наркомпрос и Главполитпростветдолжны работать совместно, учреждая для этой цели особый ведомственный орган. Другие делегаты находили не меньшие основания выделить в особую группу опеки армейский контингент, молодых рабочих, детей нерусских народностей и так далее. И все эти аргументы указывали на многозначность той картографии, которую конституировала культурная точка зрения. В конечном счете они играли на пользу сохранения «ведомственной специфики».

В предложенной Луначарским схеме также не было ясности в том, где должны проходить граница между функциями партии (Отдела пропаганды и агитации) и государственных органов (Наркомпросом и Главполитпросветом). Он называл «недоразумением», что «государственная работа и партийная работа должны быть якобы разграничены, как на карте», где «должны быть указаны границы». Коммунисты должны влиять на госаппарат, определяя кадровый состав государственных органов, который бы «одухотворял» государственную машину: «Партия должна быть всюду как библейский дух божий» [X съезд РКП (б), 1933, с. 158].

Позиция Преображенского была подвергнута критике и с другой стороны. Если Луначарский выступал в пользу концентрации всей политико-просветительской работы в руках государства, то старый большевик Емельян Ярославский считал, что политико-просветительская работа — это исключительное дело партии. Он рисовал картину с элементами ведомственного абсурда, когда «Главсоль занимается тем, что чуть ли не создает свой театральный отдел, Наркомпрод создает свой театральный отдел и пытается вести политико-просветительную работу». Если понадобится «по обстоятельствам времени» направить на какой-то участок исключительное внимание (на массу крестьян, на рабочих, на армию), тогда это можно будет сделать только одним путем — «путем создания партийного главка, путем захвата всей политико-воспитательной работы в свои руки» [X съезд РКП (б), 1933, с. 166].

Последний интересный пример — призыв будущего советского академика Давида Рязанова к осторожному привлечению государства к пропагандистской работе. Советское государство, говорил он, не должно «кричать» о том, что «занимается пропагандой только своего мировоззрения»: «Буржуазное государство великолепно умеет использовать весь аппарат классового господства на околпачивание масс. Нужно бы нам поучиться у него...» [X съезд РКП (б), 1933, с. 161]. Передача агитационно-пропагандистской работы угрожает тем, что «ажитированность» пропагандистов может заразить также и государственные органы. Поэтому политпросветительская работа должна остаться прерогативой партии.

Дискуссия о распределении ответственности имела в виду множество разных управленческих проблем: как эффективным образом концентрировать кадровые ресурсы, как учесть специфику работы с конкретной социальной группой, как преодолеть формализм и бюрократизм, как разграничить сферы ответственности партийного руководства и государственного управления. Однако все участники дискуссии исходили из одной неоспоримой предпосылки: монополия на культуру и производство культурных смыслов принадлежит исключительно партии. И позиция Преображенского была признана наиболее адекватной этой предпосылке.

Суть этой позиции в следующем: партия передает государственным органам культурно-просветительскую работу тогда и только тогда, когда она может быть «механизирована» и организована по принципу «массового производства». И если «механизируется работа по выработке коммунистов», то она тоже передается Главполитпросвету (клубы, кинематографы, институты и проч.). Но партии должна принадлежать организационная работа (распределение партийных сил и общее руководство, а также идейное и теоретическое руководство) — это ее «абсолютная область» [X съезд РКП (б), 1933, с. 145]. Эта область не может быть национализирована. Поскольку абсолютной областью Главполитпросвета является то, что поддается серийному и массовому производству, постольку постепенный процесс передачи новых функций является процессом «коммунизирования государственного аппарата» или «показателем того, насколько далеко мы шагнули, как пролетарское государство, насколько мы далеко шагнули в части превращения коммунистической партии в функции государственного аппарата» [X съезд РКП (б), 1933, с. 149].

Таким образом, культурная перспектива имеет в виду определенный воображаемый финал: полную конвергенцию Коммунистической партии с государством, а также триумф культуры как сферы, достигшей предельной механизации и неразличимости культурных объектов.

Некоторые элементы дискуссии, состоявшейся на X съезде, в той или иной мере повторялись на последующих съездах, но они никогда не носили столь же принципиального характера. На «теоретическом уровне» партия считала проблему решенной. Однако в институциональных практиках гетерогенность учреждений так и не была преодолена. В каждом государственном органе, в профсоюзах, в молодежном союзе и проч. остались органы, ответственные за культурно-просветительскую работу.

Через 30 с небольшим лет на XX съезде происходит едва заметный риторический сдвиг, приведший к существенным последствиям в общем дизайне партийно-государственных органов управления. В докладе Хрущева, а также в ряде выступлений идеология и пропа-

ганда упоминаются в негативном контексте, в то время как культура — в контексте исключительно позитивном. В Отчетном докладе ЦК КПСС Никита Хрущев говорит: «Кто думает, что коммунизм может быть построен только на одной пропаганде, без повседневной практической борьбы за увеличение производства, за повышение благосостояния трудящихся, тот скатывается на путь талмудизма и начетничества» [XX съезд КПСС, 1956, с. 113]. Фраза воспроизводится не раз в выступлениях лидеров партии все с тем же набором крепких слов, характеризующих неудовлетворительный уровень идеологической работы и ее отрыв от практических задач: «талмудизм», «начетничество», «аллилуйщина». Например, Дмитрий Шепилов: «Идеологическая работа, не связанная с насущными задачами хозяйственного и культурного строительства, превращается либо в талмудистско-начетническое повторение известных истин и положений, либо в пустозвонство и аллилуйщину» [XX съезд КПСС, 1956, с. 209, 210]. Об отрыве идеологии от жизни говорит и будущий прославленный секретарь по идеологии Михаил Суслов [XX съезд КПСС, 1956, с. 281, 282].

В этом едва заметном сдвиге, до сих пор не привлекавшем внимания, примечательны два обстоятельства. Обстоятельство первое — столь резкое разделение *идеологии* и *культуры* позволило выделить культуру в особый комплекс проблем, отличных от идеологических. Синонимия культуры с пропагандой и агитацией, характерная для первой генерации партийных кадров (1920-е и 1930-е годы), оказывается преодоленной. Это дискурсивное событие не только радикально меняло представления партийной номенклатуры на культуру и пропаганду, но облегчало безболезненное аппаратное размежевание. С одной стороны, оно закрепляло политико-идеологические функции за партией, с другой стороны, «механизацию» или «огосударствление» функций «массового производства» — за специально создаваемым Министерством культуры СССР.

Второе обстоятельство: появилась возможность смягчения классовых отличий в пределах новой оптики, нового взгляда на советскую культуру. Теперь внутри культурной сферы отчетливо выделялись два измерения: мир коммунистических ценностей и область материальной культуры.

Если в первые годы строительства советской власти аппараты партии и государства служили компенсацией нехватки культуры у трудящихся, играли роль протезов для недостаточно развитых культурных мотиваций, то в послевоенном СССР деятельность аппаратов была направлена на людей опосредованным образом — через воздействие на условия жизни людей. Теперь магистральный путь универсализации коммунистический ценностей трактовался как изменение социального бытия, материальной среды обитания

населения: бытовых и производственных условий, создание инфраструктуры досуга, а также переход к 7-часовому рабочему дню и 5-дневной рабочей неделе.

Вместе с тем отделение культуры от идеологии не помогло преодолеть гетерогенность объектов культурной политики. К ведению культуры относились развитие школы, системы высшего образования, науки, воспитание национальных кадров в союзных и автономных республиках, организация досуга для разных категорий населения и проч. В контексте опыта предыдущих лет государственного и партийного строительства их можно было довольно легко перераспределять между разными ведомствами. Теперь же вопрос сводился к тому, следует ли все эти сферы объединить в рамках единого мегаминистерства или же организовать ряд специализированных министерств[1].

Подводя итог можно сказать, что учреждение Министерства культуры СССР в марте 1953 г. был актом эмансипации культуры от идеологии. Однако освободившись от идеологии и пропаганды, культура попала в зависимость от механизированного администрирования государства и обрела характеристики массовой культуры.

Список использованных источников

1. *Шестой съезд РСДРП (б). М.: Государственное изд-во политической литературы, 1958.*
2. *Седьмой экстренный съезд РКП (б). М.: Государственное изд-во политической литературы, 1962.*
3. *Восьмой съезд РКП (б). М.: Государственное изд-во политической литературы, 1959.*
4. *Девятый съезд РКП (б). М.: Партийное издательство, 1934.*
5. *Десятый съезд РКП (б). М.: Партийное издательство, 1933.*
6. *XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М.: Государственное издательство, 1926.*
7. *XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М.: Государственное издательство, 1928.*
8. *XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М.: Государственное изд-во политической литературы, 1939.*

1 Созданное в 1953 г. грандиозное по охвату Министерство культуры не раз подвергалось разукрупнению: в 1954 г. было организовано Министерство высшего образования, в 1959-м организован Государственный комитет по профессионально-техническому образованию, а потом в период (1960–1974), когда главой министерства была Екатерина Фурцева, последовала серия новых разукрупнений. Зеркальным образом происходили реорганизации внутри партийных аппаратов.

9. *XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1956.*

Библиография

1. ***Богданов А. А.*** *Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003.*
2. ***Гершензон М.*** *Министерство культуры СССР в 1953–1963 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. Т. VIII. М.: Модест Колеров, 2010.*
3. ***Ленин В. И.*** *О кооперации // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы, 1965–1975.*
4. ***Маркс К., Энгельс Ф.*** *Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 4. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957.*
5. ***Межуев В. М.*** *Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Университетская книга, 2012.*
6. ***Скотт Дж.*** *Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2007.*
7. ***Bourdieu P., Wacquant. J. D., Farage S.*** *Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field // Sociological Theory. 1994. Vol. 12. No. 1. P. 1–18.*
8. ***David-Fox M.*** *What Is Cultural Revolution? // Russian Review. 1999a. Vol. 58. No. 2. P. 181–201.*
9. ***David-Fox M.*** *Mentalité or Cultural System: A Reply to Sheila Fitzpatrick // Russian Review. 1999b. Vol. 58. No. 2. P. 210.*
10. ***Djian J-M.*** *Politique culturelle: la fin d'un mythe. Paris: Gallimard, 2005.*
11. ***Fitzpatrick S.*** *Cultural Revolution in Russia 1928–32 // Journal of Contemporary History. 1974. Vol. 9. No. 1. P. 33–52.*
12. ***Fitzpatrick S.*** *Cultural Revolution Revisited // Russian Review. 1999. Vol. 58. No. 2. P. 202–209.*
13. ***Gray C.*** *Analyzing Cultural Policy: Incorrigibly Plural or Ontologically Incompatible? // International Journal of Cultural Policy. 2010. Vol. 16. No. 2. P. 215–230.*